

УДК 81'366.587

DOI: 10.17223/19986645/40/4

Е.Э. Пчелинцева

ТИП ПЕРФЕКТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ И НОМИНАЛИЗАЦИЯ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ, УКРАИНСКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ¹

В статье рассматриваются проблемные вопросы типологии глагольной перфективной семантики, проанализированы различные классификации ее содержательных вариантов, исследуется влияние типа предела глагольного действия на продуктивность глаголов по отношению к именам действия по материалам словарей и корпусов русского, украинского и польского языков. Установлено, что номинализацию глаголов в этих языках ограничивает наличие в их семантике количественно-временного типа предела.

Ключевые слова: *отглагольное имя действия, аспектуальная семантика, количественно-временной предел действия.*

Одним из краеугольных камней современной аспектологии является определение семантического инварианта глагольного вида. Больше всего споров вызывает вопрос об инварианте совершенного вида (перфектива) как маркированного члена видовой оппозиции: его поиски продолжаются несколько десятилетий, предложено множество определений («целостность», «взгляд на ситуацию извне», «смена ситуаций», «секвентность», «изменение», «единичность (однократность) обозначаемой ситуации», «история» фрагмента мира, «целостность», «ограничение действия пределом» и др.

Все, что мы знаем сегодня о различиях в семантике форм перфектива в разных языках, о заметных расхождениях его содержательных проявлений даже в пределах одного языка, свидетельствует о том, что в основе перфективности, скорее всего, нет единого универсального семантического признака. В то же время в аспектологии широко известно авторитетное мнение Ю.С. Маслова о том, что семантической основой противопоставления форм совершенного и несовершенного видов в русском и других славянских языках «является противопоставление достигнутой : недостигнутой внутреннего предела глагольного действия» [1. С. 33]. По В.В. Виноградову, «основная функция совершенного вида – ограничение или устранение представления о длительности действия, сосредоточение внимания на одном из моментов процесса, на его пределе» [2. С. 394]. В соответствии с позицией авторов «Русской грамматики» (1980) предел действия определяется как категориальное значение совершенного вида, как некая критическая точка, «по достижении которой действие, исчерпав себя, прекращается» [3. Т. 1. С. 583]².

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда Президента РФ, грант НШ-3135.2014.6 «Петербургская школа функциональной грамматики».

² Не все исследователи единодушны в признании предела в качестве инвариантного признака СВ. В частности, В.В. Гуревич, рассматривая пример «Он уже пришел – Он уже приходил», делает

Противоречие снимается идеей, лучше всего сформулированной в работе Е.В. Петрухиной: «Существующие в аспектологии определения категориальной семантики совершенного вида ('достижение предела', 'завершенность', 'результат', 'смена ситуации', 'возникновение новой ситуации', 'начало новой ситуации', 'целостность') отражают разную интерпретацию одного концепта, имеющего для русского вида категориальный статус, – концепта предела как временной границы действия» [6].

В ленинградской аспектологической школе Ю.С. Маслова этот подход развивался последовательно: в разных языках существует множество аспектуальных оппозиций, различающихся формально и семантически, соответственно, и семантическая сфера аспектуальности не является однородной [7]. В типологических работах неоднократно поднимался вопрос о существовании различных содержательных типов предела действия: обобщая типологические особенности результативных конструкций в разных языках, В.П. Недялков и С.Е. Яхонтов указывают на 3 типа предела действия: переход из одного состояния в новое состояние или приобретение качества (*сесть, забыть, созреть*), соответствующие каузативы (*посадить, повалить, сломать*), а также целенаправленное действие, которое не может далее продолжаться после того, как цель достигнута (*сварить*) [8. С. 6–7]. В.А. Плунгян, исследуя семантику перфективности в типологическом ракурсе, выделяет три возможных семантических признака: мгновенность / краткость (пунктивность), достижение естественного предела (комплетивность) и вложенность в более протяженный временной интервал (у В.А. Плунгяна – лимитативность). Пунктивная перфективность указывает на очень малую протяженность (краткость) или почти полное отсутствие длительности (как в *стукнуть, курнуть*). Комплетивность также обозначает событие, но такое, которое всегда является частью, определенной критической точкой в составе другой длительной ситуации. Это может быть момент завершения (как в *построить*) или начала ситуации (как в *зацвести*). По мнению В.А. Плунгяна, этот второй семантический тип является главным в славянских языках. Третий тип («лимитативность») базируется на семантическом признаке вложенности в более протяженный интервал. Существенно для него само наличие временных границ ситуации (как в *посидеть, прогулять (весь день)*), а не ее аспектуальная характеристика, как в первых двух типах. Важно то, что в язы-

---

вывод, что оба действия несомненно достигают «внутреннего предела», а следовательно, этот признак не может быть различительным: это только частное значение СВ. В качестве инвариантного значения СВ он предлагает признак *секвентность*, т.е. свойство выражать связь «с предыдущим и последующим действием (моментом времени)» [4. С. 74]. Внутренняя неоднородность признака предела стала причиной дальнейших поисков семантической основы видовых оппозиций. О неудачности выбора этого признака для описания аспектуальной системы пишет М. Гиро-Вебер: «...сам термин «предел» становится при этом двусмысленным: имеется ли в виду та критическая точка, к которой естественно направлены некоторые действия и которая завершает их протекание во времени, или внешняя граница, не имеющая ничего общего с типом действия или состояния?». Исследовательница предлагает в качестве альтернативного варианта признак «изменение», но, что симптоматично, определяет его снова через понятие предела: изменение – семантический признак глагольной ситуации, который «обозначает некую модификацию, касающуюся субъекта или объекта действия, вызванную достижением предела действия (разрядка наша. – Е.П.) и, следовательно, его завершением» [5. С. 103–105].

ках обычно представлены в разных пропорциях все три типа перфективности [9. С. 375–378].

В.Г. Гак, анализируя семантику и средства выражения завершенности в русском и французском языках, указывает на дифференциацию значений перфективности. Он отмечает, что в разных языках завершенность может реализоваться в разных семантических вариантах, и предлагает следующие значения внутри этого общего понятия: а) исчерпано время, отведенное на данное действие (*поработать часок*); б) достигнута цель действия (*решить задачу*), в) исчерпан сам предмет (*истребить дичь*). Сравнивая соответствующие грамматические средства (формы глагольного вида в русском и французские глагольные формы *passé simple* и *passé composé*), исследователь замечает, что в русском языке выражается прежде всего «идея внутренней завершенности действия, достижения искомого результата», а во французском «понятие о внешней его завершенности... ограниченности времени, отведенного на его существование» [10. С. 52–53].

Для неблизкородственных языков такое положение дел, в общем, представляется вполне естественным. Но выясняется, что аспектуальная семантика может различаться даже внутри славянских языков и что вид – как специфическая славянская глагольная категория – и на славянском языковом пространстве семантически неоднороден. Одно из первых наблюдений по этому поводу принадлежит С. Иванчеву. В 1961 г. он писал о заметных различиях в семантике и функционировании глагольного вида в западно- и восточнославянских языках. В частности, по его наблюдениям, в западнославянских языках (чешском, реже – в польском и словацком) имперфективы могут выражать последовательности действий, для чего в восточнославянских языках обычно используются перфективные глаголы [11].

О несовпадении перфективных значений в славянских языках идет речь во многих работах А. Барентсена (см., например: [12, 13]). По его мнению, предельность в широком понимании – это «включение представления об определенных пределах – разграничивающих точках – в само понятие действия». Говоря о разных типах предельности, он подчеркивает важность таких факторов, как дуративный или моментальный характер исходной / результирующей ситуации, а также самого действия [12. С. 47]. Различие между разными типами предельности заключается «в степени “растяжимости” ситуации»: 1) действие может допускать представление некоторой длительности развития, постоянного накопления каких-то качеств; по достижении конечного предела действие прекращается и наступает новое состояние; 2) продолжительное действие по достижении предела продолжает развиваться, момент предела связан не с качественными, а с количественными изменениями. Момент «воспринимается как граница только потому, что для такого сравнения нужно в этот момент “остановиться”» (*из бочки уже вытекло пол-литра вина...*); 3) действие не обладает «признаками растяжимости во времени и внутреннего развития, <...> глагол СВ воспринимается как обозначение “скачкообразного” перехода» (*очутился*) [13. С. 5–9]. Эта мысль доказывается и в работах итальянской исследовательницы Р. Бенаккьо: изучая употребление глагольного вида в императиве в современных славянских языках, она обнаруживает регулярную экспансию СВ и сужение сферы НСВ в славянских

языках с востока на запад для выражения вежливости, особенно для выражения многократного (и узуального) значения. Это происходит за счет «сокращения употребления НСВ в южно- и западнославянских языках по сравнению с языками восточнославянской группы <...>. Экспансия СВ получила максимальное развитие в словенском и серболужицком языках, по всей вероятности, в силу тесных контактов с немецким «безвидовым» языком». Причины этого явления исследовательница видит в грамматической эволюции системы глагольного вида в восточнославянских языках [14. С. 181–183].

Е.В. Петрухина пишет о различии в употреблении глаголов СВ при обозначении узуальных повторяющихся действий в чешском и русском языках: сфера употребления СВ в чешском оказывается значительно шире и не связана с контекстуальными ограничениями, типичными для русского языка [15. С. 57–60]. В более поздней работе она говорит о том, что в русском языке важна идея границы, а в других славянских языках – точечность, квантовость действия. По ее наблюдениям, при обозначении событийных и процессуальных явлений для носителей русского языка особо значимой является категория темпоральной границы, которая репрезентируется в видовых формах, способах глагольного действия, лексическими средствами и т.д. Это подтверждается, в частности, тем, что в русском языке много глаголов тех способов действия, которые эксплицитно выражают темпоральную границу действия [16].

Н.Ю. Шведова разграничивает внутренний предел глагольного действия, характерный для глаголов с предельной основой, и временной предел. Внутренний предел действия определяется как некая критическая точка, к которой стремится действие, по достижении этой точки действие прекращается, исчерпав себя. Этим признаком могут обладать только предельные глаголы (достижение этого предела или стремление к его достижению). Временной предел характеризует непарные глаголы совершенного вида, действие которых ограничено только внешними временными рамками (начало действия (*запеть*), окончание действия (*отговорить*), временной отрезок его протекания (*полежать*), ограничение действия одним актом его совершения (*прыгнуть*)), и выражается с помощью аффиксов, которые присоединяются к непредельной основе [3].

А.В. Бондарко, описывая особенности предельности, выделяет два типа этой категории: тендентивный и нетендентивный. Тендентивная предельность связана с внутренним пределом – направленностью действия к «реальному достижению того и только того предела, на который направлено действие («естественного результата», процесс с «одной степенью свободы», по А.А. Холодовичу)» [17. С. 200]. Внутренний предел (тендентивная предельность) может быть потенциальным и реальным, эксплицитным и имплицитным, абсолютным и относительным. Кроме того, А.В. Бондарко говорит о контролируемой и неконтролируемой тендентивной предельности, а в сфере контролируемой предельности могут быть выделены конативный и неконативный ее варианты. Нетендентивная предельность обусловлена внешними по отношению к действию факторами, когда «фиксируется предел, не предполагающий в качестве предпосылки направленность на его достижение»; такая предельность «связана со «скачком в новое» при отсутствии какого-

либо указания на ведущий к этому процесс». Нетендентивная предельность менее характерна, в сфере предельности она занимает периферийное положение, а ее результат – грамматическое значение «формального» характера. Временной предел характеризует непарные глаголы совершенного вида, действие которых ограничено только внешними временными рамками: начало действия (*занять*), окончание действия (*отговорить*), временной отрезок его протекания (*полежать*), ограничение действия одним актом его совершения (*прыгнуть*) [17. С. 197–203].

М.А. Шелякин, анализируя семантику перфективных глаголов русского языка, выделяет три семантических типа предела глагольного действия: результативный (достижение естественного результата, обусловленного природой самого действия, например: *переходить – перейти*), одноактный (действие совершается «в один прием», «одним движением», например: *булькнуть, вздрогнуть*) и количественно-временной (действие ограничено определенной внешней, временной границей, например: *посидеть, закричать, продудеть*) [18]. Ученый различает два типа: результативно-целевую направленность действия и количественный (временной, интенсивный) предел [18. С. 161]. Эта классификация коррелирует с изложенными выше типологическими разновидностями семантики перфективности в разноструктурных языках, сформулированными В.А. Плуныным.

Все эти идеи дают возможность по-новому подойти не только к определению сущности инварианта славянского глагольного вида, но и к решению проблемы славянского отглагольного имени. Дело в том, что восточно- и западнославянские языки различаются не только аспектуальными функционально-семантическими свойствами глаголов, но и заметно разным количеством, а также функциональными возможностями отглагольных имен действия, таких как *повторение, изучение* и т.п. В частности, в русском языке, по результатам нашей сплошной выборки из [19], их насчитывается около 5 500 единиц, в украинском – около 8 000, а в польском – более 12 500, причем без учета залоговых форм. Например, приведенному выше русскому отглагольному имени действия *повторение* соответствуют в украинском языке две формы, различающиеся по видовым свойствам: *повторення / повторювання*, а в польском – четыре (кроме видовой дифференциации есть еще и залоговая): *powtórzenie / powtórzenie się / powtarzanie / powtarzanie się*. На первый взгляд эти факты могут показаться никак не связанными между собой, но проведенный нами сплошной анализ продуктивности глаголов определенных семантических групп по отношению к именам действия в русском, украинском и польском языках показывает четкую зависимость между определенным типом предела действия, выражаемого глаголом, и способностью этого глагола номинализироваться. Мы считаем, что есть связь между доминирующим в языке содержательным типом предела и определенными «предпочтениями» в выборе средств для выражения значения действия. Причина запрета на номинализацию ряда глаголов заключается не в перфективности глагольной формы как таковой, а в типе выражаемого ею предела: результативном, одноактном или количественно-временном. Этот фактор, с одной стороны, влияет на продуктивность глаголов разных семантических групп по отношению к именам действия внутри одного языка, а с другой – определяет

некоторые межъязыковые различия. Рассмотрим это на конкретных языковых фактах.

Результативный тип предела действия реализуется в русских глаголах специально-результативных способов действия. Эти глаголы называют действие, направленное на достижение результата, который соответствует их качественной природе и является для них пределом. Как показывает количественный анализ продуктивности глаголов специально-результативных способов действия по отношению к именам действия¹, никаких жестких семантических ограничений в данном случае нет. Например, от 225 «репродуктивных» глаголов образовано 167 имен действия (как *переписывание, перебелка*). Абсолютное большинство глаголов других специально-результативных способов действия (комплетивно-партитивного, отделительно-партитивного, чрезмерно-нормативного, недостаточно-нормативного, результативно-аннулирующего и т.п.) имеют соотносительные именные образования (*подкармливание, откручивание, выбеливание, отформовка, подсыпание, докармливание, переедание, недосыпание, дезорганизация* и т.д.). Иными словами, семантический признак результативного предела действия является релевантным для именной формы выражения действия и легко транспонируется в девербативы.

Другой содержательный тип предела – одноактный – эксплицитно выражается в глаголах одноактного способа действия (и образованных от них девербативах), которые обозначают одну микроситуацию по отношению к множеству повторяющихся таких же ситуаций (*глотать* → *глотание, глотнуть* → *глоток*). Одноактный тип предела действия семантически не препятствует образованию имен от глаголов, содержащих этот признак: от 200 одноактных глаголов в русском языке образовано около 50 имен действия. Небольшое количество одноактных имен действия в русском языке можно объяснить причинами стилистического порядка. Дело в том, что большой процент одноактных глаголов имеет в своей структуре дополнительное эмоционально-экспрессивное значение и стилистическую окраску разговорности или просторечия, а русское отглагольное имя действия, напротив, характеризуется склонностью к книжности. Возможно, именно это противоречие является основным фактором, препятствующим более широкому образованию одноактных имен действия. Этот разряд девербативов любопытен еще и тем, что словообразовательный именной суффикс (-ок) аспектуально маркирует действие, причем совершенно однозначно (слова *зевок, кивок* или *хлопок* в форме единственного числа не могут обозначать кратные действия), и такие одноактные девербативы иногда образуются даже от глаголов, не имеющих одноактной формы: *звонить* – *звон* – *звонок*; *грести* – *гребля* – *гребок*.

Третий тип предела – количественно-временной – указывает на временную границу действия: границу его начала или конца, определенную длительность, крайнюю границу интенсивности или повторяемости [18. С. 163]. К наиболее продуктивным, эксплицитно выражающим семантику количественно-временного предела действия, относятся делимитативные глаголы.

---

¹ Материал исследования – сплошная выборка отглагольных имен действия и глаголов определенных способов действия из [19].

Делимитативное (ограничительное) значение характеризует проявление действия в недлительные ограниченные промежутки времени. К нему относятся одновидовые глаголы с префиксами *по-*, *про-*, *при-*, *вз-*, *пере-*. Сплошной анализ словообразовательных возможностей более чем 300 делимитативных русских глаголов с префиксом *по-* (*позубрить*, *покипеть* и т.п.) показал, что отглагольные имена от них не образуются. Исключения составляют несколько имен типа *посиделки*, *постой*, которые не могут претендовать на глагольное значение делимитативности (*посиделки* ≠ *посидеть*), поскольку это имена целых ситуаций, в семантической структуре которых отсутствует акцент на временных границах и, соответственно, отсутствует значение количественно-временного предела действия. Если же глагол содержит в своей структуре результативное значение (таких глаголов с *по-* в нашей картотеке 40), то имя действия обычно образуется, но только от результативного ЛСВ: *погашение*, *погром*, *погрузка*, *порез*, *порезка*, *построение* и т. д. Проверка употребительности подобных имен по Национальному корпусу русского языка [20] дала отрицательный результат.

Чтобы проверить предположение, что эксплицитно выраженный количественно-временной предел действия препятствует номинализации глагола, мы проанализировали соответствующие глаголы и образованные от них деевербативы в украинском и польском языках. Поскольку в этих языках имена действия являются гораздо более продуктивным классом, чем в русском, и образуются от подавляющего большинства глаголов, для настоящего исследования были выбраны именно те глагольные группы, которые, согласно изложенной выше гипотезе, не должны мотивировать имена действия. В данном случае объектом анализа стали делимитативные глаголы.

Модель с префиксом *по-* и делимитативным значением в украинском языке является очень продуктивной, в разговорной речи делимитативы можно образовать практически от любого глагола. В результате сплошной словарной выборки из академического словаря украинского языка [21. Т. 6, 7] мы обнаружили 515 соответствующих глагольных лексем (типа *посмакувати* 'поесть что-то вкусное'¹, *побавити* 'поразвлекать, позабавить', *пограти* 'поиграть', *полежати* 'полежать') и всего 10 производных от них имен действия (*погуляння* 'гулянка, гуляние, прогулка', *побігеньки* 'побегушки', *побрехеньки* 'побасенки, анекдоты', *побрідки* 'бродяжничество', *пошум* 'несильный шум', *посиденьки* 'посиделки', *покрик* 'резкий вскрик, призыв' и др.). Так же, как и в случае с русским *посиделки*, эти имена действия не наследуют от глагола значение временного предела и, соответственно, не выражают этой семантики в речи.

Проверка употребительности таких имен действия в делимитативном значении по данным корпуса текстов украинского языка [22] дала отрицательный результат: ни в одном из употреблений такое имя действия не выражает временной границы действия. Типичные примеры употребления в узуальном (1) и в событийном значениях (2):

¹ Здесь и далее перевод с украинского и польского языков – наш.

(1) *Нічні **посиденьки** з друзями у соцмережах, пізні вставання і пристрасть до нездорової їжі доведеться відкласти* (О. Білик «Дзеркало тижня» 2015) – ‘Ночные **посиделки** с друзьями в соцсетях, поздние вставания и страсть к нездоровой пище придется отложить’.

(2) *На урочистих **посиденьках** виступив президент і ошелешив усіх заявою, що 12 років – це віха* (Л. Костенко. Записки українського самашедшого) – ‘На торжественных **посиделках** выступил президент и ошарашил всех заявлением, что 12 лет – это веха’.

Симптоматично, що в случаях, если глагол совмещает делимитативные и результативные ЛСВ, имя действия обычно образуется, но исключительно от результативных ЛСВ: *пограбувати* ‘ограбить’ и ‘пограбить’ (результативное и делимитативное значение) – *пограбування* (только результативное), *побрататися* ‘побрататься’ (результативное и делимитативное значение) – *побратання* (только результативное) и т.п.

Анализ польского материала особенно интересен, поскольку польская система отглагольных имен действия еще существеннее отличается от русской. Прежде всего, это касается регулярности образования: считается, что в польском языке имена действия образуются практически от любого глагола и активнее используются в речи, сохраняют многие глагольные свойства и грамматические значения, в частности возвратность, вид, залог и некоторые другие [23]. Но несмотря на это, способность к номинализации некоторых семантических типов польских глаголов, а также полное семантическое тождество глаголов и производных имен действия вызывают сомнения.

В польском языке, так же как в русском и в украинском, весьма продуктивной глагольной группой являются делимитативы. Они образуются с помощью префикса *po-* и указывают на ситуацию, происходящую в ограниченный период (*Pobawił na wsi przez całe lato* ‘побыл (провел) в деревне целое лето’). Ц. Перникарский утверждает, что они образуются от подавляющего большинства глаголов с небольшими ограничениями и являются одним из наиболее регулярных глагольных разрядов [24. С. 116–118]. О высокой продуктивности этой модели свидетельствует наличие значительного количества таких глаголов в словаре новых слов и значений, о чем пишет Я. Ставницка [25. С. 109]. Таким образом, делимитативы в польском языке образуются по продуктивной словообразовательной модели, часто используются говорящими — и в то же время содержат интересующий нас семантический признак количественно-временного предела действия. Для удобства и формализации словарного поиска польских глаголов с делимитативным значением мы учитывали наличие в словарной статье адвербиальных указателей *jakiś czas* – ‘какое-то время’ или *pewien czas* – ‘определенное время’, например: «*pogadać pot. «spędzić pewien czas na gadaniu, rozmowie, porozmawiać swobodnie przez jakiś czas» <...> rzecz. pogadanie*» – ‘поболтать «провести некоторое время, разговоривая, беседуя»’. Была сделана сплошная выборка из словарей С. Дубиша [26] и В. Дорошевского [27] объемом 236 глагольных лексем. Как выяснилось, восемь из них не имеют соотносительных имен действия (*roboleć I* – ‘поболеть’, *roboleć II* – ‘поболеть’, *pobyć* – ‘побыть’, *pochorować* –

‘похворать’, *pokropić* – ‘покапать’¹, *poszaleć* – ‘пошалеть, подурить’, *postać II* – ‘постоять’, *poszumieć* – ‘пошуметь’). Таким образом, по результатам анализа словарных статей, у большинства делимитативных глаголов есть соответствующие именные образования.

Однако проверка употребительности словарно зафиксированных «делимитативных» девербативов в речи по данным Национального корпуса польского языка [28] дает результаты, подтверждающие даже самые смелые ожидания: 141 девербатив этой группы (из 228, по данным словарей) в корпусе отсутствует. Это, например, *pobadanie*, *poigranie*, *popykanie*, *pokoszenie*, *pobeczenie* и под. Заметим, что их бесприставочные варианты (типа *badanie* – ‘исследование’, *beczenie* – ‘бекание (овец)’) могут быть весьма востребованными в речи, ср. имя действия *badanie* – около 37 тысяч вхождений.

Остальные имена действия (87 единиц) имеют разное количество вхождений в корпусе (от 1 до нескольких сотен), однако при анализе контекстов выяснилось, что эти девербативы и мотивирующие их глаголы семантически не равны. Мы выявили три возможных варианта: сужение (редукция) глагольных значений, семантический дрейф в сторону субстантивности и окказиональное употребление девербатива для создания стилистического эффекта. Рассмотрим их последовательно.

Самым распространенным оказалось сужение глагольной семантики. Если имя действия образовано от многозначного глагола, одно из значений которого – делимитативное, то, скорее всего, мы не обнаружим в корпусе соответствующих вхождений с такой аспектуальной семантикой: среди реализованных значений делимитативное практически не встречается (таких девербативов в нашей выборке около 50). В то же время, как кажется, запрета на реализацию результативных, дистрибутивных, кратных, аттенуативных и других аспектуальных компонентов нет. Например, словарь С. Дубиша [26] содержит две статьи, описывающие глаголы *ponosić I* (результативный глагол) и *ponosić II* (делимитативный глагол). В обеих словарных статьях приводится именная форма *ponoszenie*. Корпус дает 4 808 вхождений этого девербатива, при этом **ни в одном** случае его значение не соответствует делимитативному *ponosić II*. Заметим, что словари не указывают на ограниченный семантический объем таких имен действия. Типичный пример употребления:

(3) *Pogorszenie sytuacji środowiskowej musi doprowadzić do ujawnienia się barier fizycznych (np. <...> braku wody), co wywoła poważne perturbacje gospodarcze i konieczność ponoszenia dużych kosztów na naprawę strat środowiskowych* (S. Kozłowski, Ekorozwój: wyzwanie XXI wieku 2000) — ‘ухудшение экологической обстановки должно привести к возникновению физических ограничений (напр., <...> нехватке воды), которые приведут к серьезному экономическому кризису и к необходимости **понести** большие расходы на восстановление окружающей среды’.

Второй вариант: семантический дрейф в сторону субстантивности. Как правило, это происходит в результате утраты живых словообразовательно-

¹ Имя действия *pokropienie* отсутствует в словаре С. Дубиша [26], но зафиксировано у В. Дорошевского [27].

семантических связей «делимитативных» девербативов с мотивирующим глаголом. В словаре С. Дубиша такие лексемы поданы в отдельных словарных статьях, поскольку в современном польском языке их семантика значительно ближе к существительному, чем к глаголу: они могут приобретать предметные значения, указывать на стабильные состояния, называть целые ситуации типа *posiedzenie* 'заседание' или *poruszenie* 'воодушевление'. Хороший в этом смысле пример – юридический термин *pożycie* (более 1100 вхождений), который образован от глагола *pożyc*. В словаре описаны три значения этого глагола: «прожить определенное время», «прожить некоторое время определенным образом», «прожить с кем-то некоторое время». В корпусе обнаруживаем именно терминологизированную лексему, которая в словаре представлена как имя существительное в отдельной словарной статье (а не как именная форма глагола): «*wspólne życie z kimś* <...>, *obcowanie fizyczne dwojga ludzi, zwłaszcza w małżeństwie*» – 'совместное проживание с кем-либо <...>, физическое сожителство двух людей, чаще в супружестве':

(4) ...*duża różnica wieku nie stanowiła dla nich żadnej przeszkody we wspólnym **pożyciu*** (В. Zalot, Tygodnik Podhalański nr 49 1997) – '...большая разница в возрасте не являлась для них препятствием для **совместной жизни**'.

Мы обнаружили также несколько единичных окказиональных употреблений имен действия в значении, близком к делимитативному (непродолжительного состояния или процесса). Интересно, что в большинстве случаев такое слово берется в кавычки, что указывает на его необычность, непривычность для носителя языка. Полагаем, что такие редкие формы являются, скорее, средствами языковой игры:

(5) *Ostatnio na sprzedaż w domu aukcyjnym w Teksasie został wystawiony fotel **bujany**, kiedyś należący do Kennedy'ego. Ten stary mebel to prawdziwa gratka dla kolekcjonerów. Chociaż za «**pobujanie się**» na nim trzeba zapłacić ponad 100 tys. dolarów, chętnych do jego kupna nie brakuje* (*Super Express 2006*) – '...на аукцион было выставлено кресло-качалка, которое когда-то принадлежало Кеннеди... Хотя за «**покачание**» на нем нужно было заплатить более 100 тыс. долларов, в желающих его купить недостатка не было'.

Таким образом, хотя в польском языке девербативы образуются от огромного количества глагольных лексем и практически без ограничений образуют «видовые» оппозиции, есть группы польских глаголов, аспектуальная семантика которых системно препятствует номинализации (см. об этом подробнее [29]). Соотносительные с ними девербативы чаще всего зафиксированы в словарях, но фактически не употребляются в речи, что находит подтверждение в сплошном анализе корпусных данных. Изложенные наблюдения свидетельствуют еще и о том, что идея предела обнаруживает свою значимость на разных языковых уровнях, в том числе – на словообразовательном, поскольку именно тип предела оказывается релевантным для продуктивности глаголов по отношению к именам действия. Кроме того, находит

дополнительное подтверждение мысль о неоднородности семантической сферы аспектуальности, несовпадении семантики перфективности в славянских языках, ее онтологической гетерогенности.

Итак, если учесть данные, представленные в работах С. Иванчева, С. Дики, А. Барентсена, Р. Бенаккьо и других аспектологов, если принять во внимание убывание количества отглагольных имен действия с запада на восток, а также различия в «легкости» выражения ими определенных видовых значений и если все эти факты соотнести со строгим запретом на образование имен действия от глаголов, содержащих признак количественно-временного предела, то можно сделать вывод, что в глагольной аспектуальной семантике с запада на восток на системном уровне усиливается семантический признак количественно-временного предела. Это не означает, разумеется, того, что в русском языке все глаголы СВ выражают значение количественно-временного предела, а в польском они его выражать не могут. Это означает, что данный признак проявляется в русских глаголах чаще и сильнее, что русский язык располагает большим арсеналом средств для его внутрисловного выражения. Именно эта особенность русского языка является одной из важных причин «трудностей» с номинализацией русских глаголов и исчезновения у них (когда-то существовавшей) явной аспектуальной дифференциации. Есть основания полагать, что одной из причин уменьшения количества отглагольных имен действия с запада на восток (польский → украинский → русский) является усиление в семантической структуре глагольного совершенного вида количественно-временного предела действия, который плохо совмещается с субстантивной формой. Идея времени, доминирующая, по всей видимости, в семантике количественно-временного предела, конфликтует с категориальной семантикой имени существительного.

Список условных сокращений

- СВ – совершенный вид
НСВ – несовершенный вид
ЛСВ – лексико-семантический вариант

Литература

1. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии // Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 21–304.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высш. шк., 1972.
3. Шведова Н.Ю. (ред.) Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1.
4. Гуревич В.В. О значениях глагольного вида в русском языке // Русский язык в школе. 1971. №5. С. 73–79.
5. Гиро-Вебер М. Вид и семантика русского глагола // Вопр. языкознания. 1990. № 2. С. 102–112.
6. Петрухина Е.В. Дискуссионные вопросы изучения русского глагольного вида // Международный сб. ст. в честь В. Гладрова «Sprache und Gesellschaft. Festschrift für Wolfgang Gladrow» Berliner Slawistische Arbeiten 33. Frankfurt am Main; Berlin: Peter Lang, 2008.
7. Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 305–364.
8. Типология результативных конструкций: результатив, статив, пассив, перфект / [отв. ред. В.П. Недялков]; Академия наук СССР. Институт языкознания. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983.

9. Плузьян В.А. Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998. С. 370–381.
10. Гак В.Г. Семантическое поле конца // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / отв.ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2002. С. 50–55.
11. Ivančev S. Kontekstovo obuslovljena ingresivna upotreba na glagolite ot nesvâršen vid v českijazik. Godišnik na Sofijskijazik universitet, Filologičeski fakultet 65/3, 1961.
12. Барентсен А. Признак «секвентная связь» и видовое противопоставление в русском языке // Типология вида: проблемы, поиски, решения / ред. М.Ю. Черткова. М., 1998. С. 43–58.
13. Барентсен А. Трехступенчатая модель инварианта совершенного вида в русском языке // Семантика и структура славянского вида I / отв. ред. С. Кароляк. Krakow. 1995. С. 1–26.
14. Бенаккьо Р. Вид и категория вежливости в славянском императиве: Сравнительный анализ. München; Berlin: Verlas Otto Sagner, 2010.
15. Петрухина Е.В. О функционировании видового противопоставления в русском языке в сопоставлении с чешским (при обозначении повторяющихся действий) // Русский язык за рубежом. 1978. № 1. С. 57–60.
16. Петрухина Е.В. Концепт ПРЕДЕЛА в грамматике и лексике // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.: труды и материалы / сост. М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов, О.В. Кукушкина. М., 2014. С. 689.
17. Бондарко А.В. Предельность и глагольный вид (на материале русского языка) // Изв. Академии наук СССР. Сер. лит. и яз., 1991. Т. 50, № 3. С. 195–206.
18. Шелякин М.А. Категория вида и способы глагольного действия русского глагола (теоретические основы). Таллин: Валгаус, 1983.
19. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / ред. В.И. Чернышёв. М.: АН СССР, 1948–1965.
20. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.10.2015).
21. Словник української мови: в 11 т. АН УРСР. Інститут мовознавства / І.К. Білодід (ред.). Київ, 1970–1980.
22. Корпус текстів української мови / Лабораторія комп'ютерної лінгвістики Інституту філології КНУ ім. Т. Шевченка. URL: <http://www.mova.info/corpus.aspx?l1=209> (дата обращения: 25.1.2015).
23. Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia / pod red. R. Grzegorzczkovej, R. Laskowskiego, H. Wróbla. Warszawa: PWN, 1998.
24. Piernikarski C. Tendencje rozwojowe aspektu czasownika w języku polskim // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, 7, Warszawa: PWN, 1967. P. 65–74.
25. Stawnicka J. Studium porównawcze nad kategorią semantyczno-słowotwórczą Aktionsarten w języku rosyjskim i polskim. Tom I. Czasowniki z formantami modyfikacyjnymi. Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego, 2009.
26. Uniwersalny słownik języka polskiego // pod red. S. Dubisza. PWN SA, wersja elektroniczna, 2004.
27. Słownik języka polskiego // pod red. W. Doroszewskiego. PWN SA, 2000. URL: <http://doroszewski.pwn.pl/> (дата обращения: 03.01.2014).
28. Korpus Języka Polskiego (NKJP). URL: <http://www.nkjp.uni.lodz.pl/> (дата обращения: 03.01.2014).
29. Пчелинцева Е.Э. Грамматический статус польского отглагольного имени действия и семантика делимитативности // Сибирский филологический журнал. 2014. № 2. С. 164–172.

TYPE OF PERFECTIVE MEANING AND NOMINALIZATION OF VERBS IN RUSSIAN, UKRAINIAN AND POLISH

Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 2 (40), 57–70. DOI: 10.17223/19986645/40/4
Pchelintseva Elena E., Cherkassy State Technological University (Cherkassy, Ukraine), Institute for Linguistic Studies (ILI) RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: pchele@gmail.com

Keywords: verbal noun, nomina actionis, aspectual semantics, quantitative-temporal limit of action.

The article investigates some problems of the verbal perfective semantics typology. Regarding this issue, some theoretical aspects of verbal noun derivation are discussed. The influence of the type of limit on the productivity of delimitative verbs in relation to verbal nouns in Russian, Ukrainian and Polish is analysed.

The meaning of the perfective aspect is not identical in all Slavic languages. While in East Slavic the idea of limit is more important, in West Slavic the semantic features of pointness, quantumness and totality of the action dominate. This feature corresponds well to the differences in amounts and functional scopes of verbal nouns in Slavic languages: the fact is that these amounts, as well as the verbal properties of nomina actionis, decrease significantly from West to East. The author's hypothesis is that the prohibition of nominalization for some verbs is caused not by the perfectivity of the verbal form as such, but by the type of limit expressed, namely resultative, one-act, or quantitative-temporal. The solid analysis of the productivity of certain verb semantic series in relation to nomina actionis in Russian, Ukrainian and Polish shows clear relationship between the particular type of limit expressed by verb and the ability of the latter to nominalization.

In Russian, for instance, nouns may be easily derived from verbs with a resultative and one-act type of limit, but this is impossible in the case of verbs with a quantitative-temporal one. Despite the much larger number of action nouns in Ukrainian, the same semantic restrictions may be seen. The Polish verbal noun is known as a regular verb form which virtually has no restrictions for forming aspectual pairs. Nevertheless, the author has found a group of Polish verbs, the aspectual semantics of which systematically prevents nominalization. Corresponding deverbatives may be found in dictionaries, but are not actually used in speech, which has been proved by a solid analysis of corpus data.

It is reasonable to believe that one of the grounds of the amount of nomina actionis decreasing from West to East (Polish → Ukrainian → Russian) is that the quantitative-temporal limit of action increases in the semantic structure of perfective verbs in the same direction. The quantitative-temporal type of limit is also poorly compatible with the substantive form as such. The concept of time dominating in the semantics of quantitative-temporal limitedness is very likely to conflict with the categorical semantics of the noun.

References

1. Maslov, Yu.S. (2004) Oчерки po аспектиологии [Essays on aspectology]. In: Maslov, Yu.S. *Izbrannye trudy. Аспектиология. Общечее языкознание* [Selected Works. Aspectology. General Linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
2. Vinogradov, V.V. (1972) *Russkiy yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian language. The grammatical teaching of the word]. Moscow: Vysshaya shkola.
3. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
4. Gurevich, V.V. (1971) O znacheniyakh glagol'nogo vida v russkom yazyke [The meanings of the verbal aspect in the Russian language]. *Russkiy yazyk v shkole*. 5. pp. 73–79.
5. Guiraud-Weber, M. (1990) Vid i semantika russkogo glagola [Aspect and semantics of the Russian verb]. *Voprosy yazykoznanija*. 2. pp. 102–112
6. Petrukhina, E.V. (2008) Diskussionnye voprosy izucheniya russkogo glagol'nogo vida [Discussion of the study of Russian verbal aspect]. In: Sprache und Gesellschaft. Festschrift für Wolfgang Gladrow. Berliner Slavistische Arbeiten 33 [Language and Society. Studies in honor of Wolfgang Gladrow. Berlin Slavonic Works 33]. Frankfurt; Berlin: Peter Lang.
7. Maslov, Yu.S. (2004) K osnovaniyam sopostavitel'noy aspektologii [On comparative reasons of aspectology]. In: Maslov, Yu.S. *Izbrannye trudy. Аспектиология. Общечее языкознание* [Selected Works. Aspectology. General Linguistics].
8. Nedyalkov, V.P. (ed.) (1983) *Tipologiya rezul'tativnykh konstruksiy: rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt* [Typology of resulting constructions: resultative, stative, passive, perfect]. Leningrad: Nauka.
9. Plungyan, V.A. (1998) Perfektiv, kompletiv, punktiv: terminologiya i tipologiya [Perfective, completive, pointive: terminology and typology]. In: Chertkova, M.Yu. (ed.) *Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniya* [Typology of the aspect: problems, searches, solutions]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
10. Gak, V.G. (2002) Semanticheskoe pole kontsa [Semantic field of the end]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskij analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa* [Logical analysis of language. The semantics of the start and the end]. Moscow: Indrik.
11. Ivančev, S. (1961) *Kontekstovo обусловлена ingresivna upotreba na glagolite ot nesvâršen vid v českija ezikz*. Godišnik na Sofijskija universitet, Filologičeski fakultet 65/3. (In Bulgarian).
12. Barentsen, A. (1998) Priznak "sekventnaya svyaz" i vidovoe protivopostavlenie v russkom

yazyke [The feature “sequential connection” and aspectual opposition in the Russian language]. In: Chertkova, M.Yu. (ed.) *Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniya* [Typology of the aspect: problems, searches, solutions]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

13. Barentsen, A. (1995) Trekhstupenchataya model' invarianta sovershennogo vida v russkom yazyke [A three-stage model of the perfect form invariant in the Russian language]. In: Karolyak, S. (ed.) *Semantika i struktura slavyanskogo vida I* [Semantics and structure of the Slavic aspect I]. Krakow: WSP.

14. Benacchio, R. (2010) *Vid i kategoriya vezhlivosti v slavyanskom imperative. Sravnitel'nyy analiz* [Aspect and the category of politeness in the Slavonic imperative. Comparative analysis]. München; Berlin: Verlag Otto Sagner.

15. Petrukhina, E.V. (1978) O funktsionirovaniy vidovogo protivopostavleniya v russkom yazyke v sopostavlenii s cheshskim (pri oboznachenii povtoryayushchikhysya deystviy) [On the functioning of aspectual opposition in the Russian language in comparison with Czech (when referring to repetitive actions)]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 1. pp. 57–60.

16. Petrukhina, E.V. (2014) [The concept of limit in grammar and vocabulary]. *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [Russian Language: Historical Destiny and the Present]. V International Congress of Russian Language Researchers. Proceedings and materials. Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology. 18–21 March 2014. Moscow: Moscow State University. p. 689. (In Russian).

17. Bondarko, A.V. (1991) Predel'nost' i glagol'nyy vid (na materiale russkogo yazyka) [Limitativeness and verb form (in Russian)]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR, "Seriya literatury i yazyka"*. 50:3. pp. 195–206.

18. Shelyakin, M.A. (1983) *Kategoriya vida i sposoby glagol'nogo deystviya russkogo glagola (teoreticheskie osnovy)* [The category of aspect and methods of Russian verb verbal action (theoretical bases)]. Tallin: Valgaus.

19. Chernyshev, V.I. (ed.) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17-ti t.* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vols]. Moscow: USSR AS.

20. The Russian National Corpus. [Online]. Available from: <http://www.ruscorpora.ru/>. (Accessed: 01 October 2015). (In Russian).

21. Bilodid, I.K. (ed.) (1970–1980) *Slovník ukraïns'koï movi: v 11 tt.* [Dictionary of Ukrainian language: in 11 vols]. Kiev: Naukova dumka.

22. The Ukrainian Text Corpus. [Online]. Available from: <http://www.mova.info/corpus.aspx?11=209>. (Accessed: 25 January 2015). (In Ukrainian).

23. Grzegorzczakowa, R., Laskowski, R. & Wróbel, H. (1998) *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia* [Grammar of Contemporary Polish. Morphology]. Warsaw: PWN.

24. Piernikarski, C. (1967) Tendencje rozwojowe aspektu czasownika w języku polskim [Development trends of the aspect of the verb in Polish]. *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*. 7. pp. 65–74.

25. Stawnicka, J. (2009) Studium porównawcze nad kategorią semantyczno-słowotwórczą Aktionsarten w języku rosyjskim i polskim [A comparative study of the category of semantic and word-formation action types in Russian and Polish]. Vol. 1. Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego.

26. Dubisz, S. (ed.) (2004) *Uniwersalny słownik języka polskiego* [Universal Dictionary of Polish]. PWN SA, e-version.

27. Doroszewski, W. (ed.) (2000) *Słownik języka polskiego* [Dictionary of Polish]. PWN SA. [Online]. Available from: <http://doroszewski.pwn.pl/>. (Accessed: 03 January 2014).

28. National Corpus of the Polish Language (NKJP). [Online]. Available from: <http://www.nkjp.uni.lodz.pl/>. (Accessed: 03 January 2014). (In Polish).

29. Pchelintseva, E.E. (2014) The grammatical status of the Polish verbal noun of action and the semantics of delimitativity. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Philological Journal*. 2. pp. 164–172. (In Russian).